

Александр Макарьев

СОН

Хроника поколений

Александр Макарьев

Сон

«Автор»

2026

Макарьев А. Ю.

Сон / А. Ю. Макарьев — «Автор», 2026

Прогулка по старому Тбилиси пробуждает память автора и увлекает в путешествие сквозь целый век истории его семьи. Эта книга — искренняя, яркая и полная юмора хроника поколений, чьи судьбы тесно переплелись с эпохальными событиями XX века. Вместе с автором читатель пройдет путь от дореволюционного Тифлиса и тайных детективных поворотов эпохи через суровое детство на секретном ядерном полигоне в Казахстане к беззаботной юности 1970–80-х. Вас ждут шумно-веселые студенческие годы, романтика Сочи и Пицунды, научные изобретения, охота в эвенкийской тайге, душевность грузинских застолий и ветры перемен, уводящие к берегам Украины и Ирландии. Это признание в любви к жизни, путешествиям и людям. Живые мемуары, написанные с теплотой и мудростью, подарят ощущение уютного вечера с прекрасным рассказчиком.

© Макарьев А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. НАША РОДОСЛОВНАЯ. ПРЕДКИ	7
Первая мировая война	11
Революция	13
Большевицкие реформы	15
НЭП	16
Юрий Иванович Макарьев — мой отец	20
Часть 2. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА (ДЕТСТВО)	23
Ссылка в Тбилиси	25
Златоуст	26
Родео на льдине	28
ЧАСТЬ 3. ТБИЛИСИ	29
Производственная практика	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Макарьев

Сон

Александр Макарьев

СОН

ХРОНИКА ПОКОЛЕНИЙ

Макарьев А.

СОН / Александр Макарьев. — 2026.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме или любыми средствами без предварительного письменного разрешения автора.

© Александр Макарьев, 2026

Предисловие

Мне приснился сон: уже в почтенном возрасте я приехал в Тбилиси — город моей молодости, в котором провёл большую часть своей сознательной жизни. И вот, прогуливаясь по старому городу после тридцатилетнего отсутствия, я зашёл в открытое кафе на узкой улочке вблизи Сионского собора, сел за столик и стал рассматривать сидевших вокруг. Пытаясь вслушаться в разговоры окружающих меня молодых людей, я понял, что незнакомцы говорят на не известных мне языках. Я чувствовал, что всё вокруг чужое, и не мог нащупать хоть что-нибудь, что могло бы напомнить прошлую жизнь. Тут ко мне за столик подсел приятный молодой человек, поздоровался, назвал меня по имени и ненавязчиво вступил в разговор. Я напрягал память, но никак не мог вспомнить его лицо, и от этого мне было очень не по себе. Всё же, пересилив себя, я попросил его напомнить, откуда мы должны знать друг друга. Услышав это, он слегка улыбнулся и обнадежил меня. — «Сейчас сам всё поймёшь». С этого времени к нашему столику стали подходить люди, которых я когда-то знал или только слышал о них. Они говорили что-то незначительное, в основном о городе или знакомых, и отходили прочь. Постепенно я начал заново узнавать этот город, людей и входить в его атмосферу. И вот, как сказал поэт, я несусь в своё былое.

Когда речь заходит о Тбилиси, то мне первым делом вспоминаются не древние храмы, бани или крепость Нарикала и, конечно, не современные постройки вроде дворца Юстиции или моста Мира, а дома с резными балкончиками и верандами. Такие балконы в Грузии называют «шушабанди». Шушабанди за счет своей ажурности кажутся воздушными, легкими и украшают даже самое невзрачное здание.

Илья Эренбург в знаменитой книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» справедливо заметил, что «Тифлис в тот период был «случайным полустанком, на котором остановился поезд времени. Различные века сосуществовали в этом удивительном городе».

Наверное, не случайно, что эту волну воспоминаний пробудил сон о Тбилиси. С шестнадцати до сорока трех лет я жил в этом городе, в старом, традиционном районе Вера. Здесь надо уточнить, что Вера — это небольшая горная речка, впадающая в Куру в самом центре города, ее устье заключено в бетон под самой загруженной транспортом площадью. По весне Вера становится полноводной и порой напоминает взбесившееся чудовище, заливая саму площадь и затопляя расположенный здесь же зоопарк. Спасаясь, звери разбегаются кто куда. Несколько лет назад я видел по телевизору сюжет, как после наводнения люди на площади подталкивали носорога, пытаясь вернуть его в зоопарк, в его клетку. Значительное число опасных зверей пришлось тогда уничтожить на площади и близлежащих улицах.

Хотя речка не протекает непосредственно по району Вера, свое название район взял именно от нее. А ещё о нем был в советское время снят фильм «Мелодии Верийского квартала». В общем, всё это происходило именно там.

Ассоциации, навеянные сном, побудили меня вспомнить и написать о многом, что связывает меня и моих близких с Тбилиси. Я попробую проследить родословную нашей семьи и попытаюсь показать, как менялись люди, их отношения и их жизнь на протяжении последнего века, вспомнить людей, оставивших яркий отпечаток в моей памяти, оживить образы прошлого, переданные нашими предками.

Часть 1. НАША РОДОСЛОВНАЯ. ПРЕДКИ

Тбилисские корни

Мои предки по линии отца — прадед Александр Федорович Гридин, военный фельдшер царской армии, и его жена, моя прабабка — дама решительная и деятельная Зинаида Митрофановна — приехали в Грузию в 1897 году. По окончании службы Александр Федорович вышел в запас и стал заниматься частной медицинской практикой. В последующем он поступил на службу в лечкомиссию в качестве консультанта. Жили они в большом доме, называемом почему-то до настоящего генеральским, задний фасад его выходил в Верийский парк. В квартире было восемь комнат, в одной из них жила прислуга, а детьми занималась приходящая воспитательница Анна Ивановна. Александр Федорович работал, а домашнее хозяйство было на Зинаиде Митрофановне. Жизнь они вели, как я понимаю, достаточно светскую, принимали гостей, играли в карты, в доме царил лад и достаток.

Надо сказать, что город в то время расстраивался, и не было большой проблемой найти в Тбилиси приличное жилье. Как-то раз, гуляя с мужем по Верийскому парку, Зинаида Митрофановна заметила, что дом их довольно старый и, наверное, скоро развалится, и решила найти квартиру в новом доме. (Справедливости ради отмечу, что дом этот и сейчас, через сто с лишним лет, стоит и не собирается разваливаться.) Жилье в то время искали совсем не так, как сейчас. Люди прогуливались по улицам с новой застройкой и смотрели на окна домов. Стекла свободных незаселенных квартир заклеивались крест-накрест узкими полосками бумаги. И вот мои прадед и прабабушка каждый вечер выходили на прогулку, чтобы выбрать соответствующий их положению, достатку и желаниям дом. Через несколько дней их поиски увенчались успехом. Им понравился угловой трехэтажный дом, украшенный лепниной. В верхнем его этаже, над которым возвышались головы сатиров, была свободна просторная четырехкомнатная квартира с внутренним балконом и двумя балконами, выходившими на улицы. Вход в нее был и из подъезда, и со двора. Внутренний дворик украшал небольшой фонтан из белого мрамора с лебедем, из его клюва била струя холодной и прозрачной питьевой воды. В углу двора располагалась большая русская печь общего пользования, которую дворник Федот топил по праздникам для выпечки куличей и пирогов. Со двора на третий этаж можно было подняться по металлической винтовой лестнице, украшенной коваными подставками в виде полурастущихся бутонов, в них стояли фарфоровые вазоны, куда дворник Федот каждый день ставил букеты свежих роз.

В то время в Тифлисе (так тогда назывался Тбилиси) ходили фаэтоны, и, хотя это была почти окраина города, до центральной Эриванской площади можно было доехать за пятнадцать-двадцать минут. Итак, дело было решено — состоялся переезд и новоселье, которое отпраздновали с размахом. Гостями были родственники с детьми и коллеги Александра Федоровича, о которых я, быть может, напишу ниже. На следующий день к столу пригласили всех соседей — состоялось официальное знакомство и приобщение семьи Гридиных к сообществу двора.

Это был 1909-й год. К тому времени в семье моих предков уже было трое детей — девятилетняя Лена, моя бабушка, четырехлетний Володя и годовалая Люся. Всего у них было семеро детей, но четверо умерли при рождении. По рассказам моей бабушки Лены, а она была великолепной рассказчицей и до конца дней сохранила память и ясность ума, следующие четыре-пять лет были самыми благополучными в Грузии. Жили они сытно, весело и без особых забот. На рынках было все, что можно себе представить. В те времена здесь выращивались великолепные сорта яблок, о которых, по словам бабушки, сейчас никто и понятия не имеет, в мясных лавках предлагалось свежее мясо, осетров привозили с Каспия, на вес продавалась черная икра

нескольких сортов. В городе было развито ремесленничество. По улицам ходили продавцы, предлагали свежее молоко, мацони, масло, сыры; жестянщики и лудильщики чинили керосинки, буржуйки, чайники; работали портные, сапожники. Мойщики ковров собирали ковры по домам и относили на Куру, где их стирали, причем между мойщиками и клиентами было полное доверие: никто никогда не спрашивал ни адреса, ни фамилии. Ковры аккуратно в срок приносили назад и возвращали владельцам. Одним словом, земной рай, спокойствие и изобилие. Все было при делах, и криминальные случаи были редчайшим исключением. Лена обучалась в женской гимназии, Володя брал уроки музыки.

Сделаю небольшое отступление, чтобы рассказать о порядках и нравах того времени. В женской и мужской гимназиях порядки были очень строгими. Учащиеся обязаны были ходить по улицам исключительно в форме. Гимназистки боялись преподавателей как огня. Учащимся не разрешалось появляться на улице после шести часов вечера. Тбилиси в то время был небольшим городом, многие знали друг друга и, если видели гуляющих по вечерам гимназисток, могли сообщить в гимназию. Это грозило серьезными неприятностями. Гимназистам полагалось упорно изучать науки и готовить домашние задания. А учебная программа была предельно насыщенной. В приоритете было изучение иностранных языков, истории и географии.

Но, как я потом неоднократно убеждался, долго такое благополучие продолжаться не могло. Вскоре в размеренную жизнь моих предков вошла Первая мировая война. Но об этом позже. А пока попробуем проследить изменения, которые стали происходить в их жизни.

У Александра Федоровича и Зинаиды Митрофановны был старый семейный друг дядя Коля — Николай Николаевич Калатозов, на работе и близкие его называли Николя. Старый холостяк, заместитель директора оперного театра, он был неперенным участником домашних карточных игр. Надо сказать, что самым страстным игроком была моя прабабушка Зинаида Митрофановна, а Николя был ее верным компаньоном. Играли они дома или ходили в Русский клуб, где тоже часто составлялись партии. Не обходилось и без угощения. Дома фирменным «преферансным» блюдом были сибирские пельмени. А еще кухарка Феня подавала чай и пироги с различной начинкой, которые мастерски выпекала в буржуйке. Расходились порой под утро, причем все обязательно получали приглашение прибыть на чай. Кроме Зинаиды Митрофановны и дяди Коли, постоянными игроками были сосед, отставной офицер Юрий Игнатьевич Лишевич, и старинная подруга хозяйки Анна Михайловна. Александр Федорович не играл, так как был постоянно занят со своими больными — ходил по домам, следил за ходом болезни пациентов, вел журналы, выписывал лекарства, присутствовал на консилиумах, ставил пиявки, делал массаж и еще множество дел. А Зинаида Митрофановна, несмотря на свою занятость по дому, считала своим священным долгом зорко следить за деятельностью мужа. Утром, как бы невзначай, она непременно напоминала, чтобы он не забыл пойти туда, сделать это, навестить того. Пока шла игра, Александр Федорович десять раз приходил, уходил, иногда приносил какие-нибудь продукты, отчитывался и уходил снова.

Юрий Игнатьевич Лишевич был важный худощавый высокий господин, носивший усы с проседью. Он проходил службу на Кавказе, дослужился до чина подполковника, и с должности помощника командира полка вышел в отставку. Имея кое-какие сбережения (около ста тысяч), решил стать застройщиком и вложил деньги в строительство трехэтажного дома. На нашей улице почти все дома были трехэтажные, считая полуподвальный или подвальный этажи. Дом, который строил Юрий Игнатьевич, был угловой, с большим внутренним двором. Специальная винтовая лестница вела на крышу, где была оборудована небольшая обсерватория с вращающимся куполом. Из Германии выписали телескоп и с величайшей осторожностью установили на чердаке. Юрий Игнатьевич выписывал научные журналы и не интересовался политикой. Имел жену, двух дочерей — Лену и Милу. Лена Лишевич была одноклассницей и одной из ближайших подруг Лены Гридиной (моей бабушки), а Мила была на три года младше. Дом их находился наискосок от нашего, в одной минуте ходьбы. Незадолго до своей смерти Лена

Лишевич передала мне записные книжки её отца — личный архив Юрия Игнатьевича. Среди прочего, там были записаны расходы на строительстве дома.

Иногда, ближе к полуночи, Юрий Игнатьевич приглашал гостей взглянуть на звезды, и они в ночной тишине гуськом поднимались по винтовой лестнице на чердак, где их взорам представляли величественный красноватый Марс и грандиозная Луна.

Анна Михайловна Иванова — третья постоянная карточная партнерша — была романтическая, статная, породистая и чуть подвявшая дама. Судьба у нее сложилась довольно странно. Рано получив от отца миллионное наследство, Анна Михайловна вышла замуж за красавца-афериста и страстного игрока, с которым прожила несколько лет, и который, быстро промотав ее состояние, захватил всё что было возможно, и смылся за границу — пропал навсегда, оставив жену с маленьким сыном Боренькой и с вещами, которые он не смог увезти. После такой жизненной коллизии Анна Михайловна стала смотреть на жизнь более здраво и без особых иллюзий. Было у нее потом несколько кратковременных увлечений, но ничего серьезного. Жизнь свою она решила посвятить сыну Бореньке, следила за ним как насадка, сдувала пылинки, старалась дать хорошее образование, делала все, чтобы выбрать ему хорошую жену, потому что сам он, конечно же, вряд ли мог сделать правильный выбор, впрочем, все это будет потом.

Были еще несколько семей друзей и родственников, которые непременно присутствовали на праздниках и семейных торжествах. Например, в доме напротив жила семья Замковых. Ее глава Константин Карлович был немец по национальности. Их дом так и называли «немецким домом». Константину Карловичу принадлежал «Пассаж» — самый большой универмаг в городе, который находился вблизи центральной Эриванской площади. Хозяин дома не держал дворника, потому что никому не доверял такое важное дело как содержание двора в чистоте, и поэтому три раза в неделю облачался с утра в безукоризненной чистоты передник и самостоятельно подметал двор. Кроме того, он ухаживал за розами, которые в изобилии росли во дворе, и которые он выписывал из-за границы. Жена его умерла рано, оставив детей — Сашу и Аню. Дети были на попечении гувернантки, которая занимала одну комнату в их доме. Саша был старше сестры на несколько лет, а Анечка, ровесница Лены, входила в узкий круг ее подруг. Надо сказать, что дружбу девочки сохранили до конца своих дней.

В этот круг входили и сёстры Чилингаровы — Люся и Нина. Они тоже были одноклассницами и жили в частном доме на центральной улице кварталом ниже. Семья их считалась очень богатой, владела ювелирным салоном в центре Тбилиси. И насколько я помню, в других городах у них тоже были магазины.

Были еще родственники Писаревы, Янушеки и Россики, но о них несколько позже, тем более что они в свое время сыграют важную роль в этом повествовании.

Как-то раз в доме Гридиных открылась дверь, и вошел дядя Коля — страшно возбужденный и без шляпы. Кухарка помогла ему снять плащ, усадила за стол, и дядя Коля, запинаясь от волнения, рассказал возмутительнейшую историю. Оказывается, он в этот день, как обычно, вышел из театра, спокойно сел в трамвай и поехал к нам на званный обед. Вместе с ним на остановке топтался какой-то подозрительный тип, который вошел следом в вагон и встал на площадке. На следующей остановке этот тип снял с дяди Коли шляпу и был таков. Дядя Коля страшно возмущался, все старались как-то его отвлечь, Александр Федорович поклялся, что завтра лично купит ему новую шляпу, но дядя Коля был безутешен. Он говорил про упадок нравов и бездействие полиции. Вечер был испорчен. Дядя Коля ушел домой, а назавтра грозился пойти в полицию. Однако это ему не удалось, так как ночью он почувствовал себя плохо и утром Александр Федорович прописал ему постельный режим. Через неделю доктор снова пришел к больному, принес новую шляпу, внимательно прослушал его и сказал, что дядя Коля здоров и может спокойно возвращаться на работу, что тот и сделал. Об этом приключении узнал весь театр, артисты рассказали всем близким и родственникам, а те — еще кому-то, и

рано или поздно о случившемся с дядей Колей узнал весь город. Эту историю я слышал неоднократно от своей бабушки, когда она призывала меня к собранности в общественных местах. «Не разевай рот, а то будет, как у дяди Коли!» — говорила она. Этим происшествием было ознаменовано начало тектонических сдвигов в их мире.

Первая мировая война

Через два года в Европе начало нарастать напряжение и в конце июля 1914-го разразилась Первая мировая война. В Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация, в ответ на это Германия направила России ультиматум, мир раскололся на коалиции и колесо войны стало раскручиваться все быстрее и быстрее. И хотя Грузия находилась далеко от театров военных действий и не страдала от голода и эпидемий, горячее дыхание войны ощущалось в Закавказье все жарче. На улицах появлялось все больше людей в форме, да и мода не избежала военных отметин. Газеты были полны патриотических статей, портретов европейских монархов и членов их семей, военных министров, политических деятелей. Надо отметить, что, по личным ощущениям императора Вильгельма, к войне Германия подошла значительно лучше подготовленной, чем страны-оппоненты. Вильгельм проникся глубокой уверенностью, что Германская империя достигла небывалого величия и может запрещать воевать другим странам. Этим и объясняется вызывающая форма ультиматума Вильгельма своему кузену — российскому императору Николаю II. Этот ультиматум переполнил чашу терпения России. Мир скатывался в войну. И это происходило вопреки тому, что Вильгельм и Николай, каждый со своей стороны, пытались удовлетворить претензии Австро-Венгрии после трагедии в Сараево. Трудно предположить, что личные качества монархов могли изменить направление событий, поскольку существовала масса объективных предпосылок, на которых не преминули сыграть закулисные политики. Например, острая зависть германского руководства к Англии, которая качала из своих колоний несметные богатства, Германия же, напротив, имела от своих колоний только дефицит бюджета. Рядом процветала зажиточная Франция, уже прошедшая через эпоху революций, и с нее можно было легко взять большую контрибуцию, а от России заманчиво было отрезать кусочек по Днепру и Западную Двину. Словом, перспективы Германии казались очевидными и головокружительными. Но почему всё же началась Первая мировая война, для себя я вразумительного ответа не нашёл.

Военные действия начались в начале августа: немцы захватили Чехословакию, в ответ Россия перешла границу Восточной Пруссии и Галиции, затем война перекинулась в Бельгию, Францию и на Балканы. Определились противоборствующие стороны: с одной стороны, Центральные державы — Германская, Австро-Венгерская и Османская империи, Болгарское царство с союзниками, с другой — Антанта: Российская и Британская империи и Французская республика с союзниками. Конечно, и Франция была не прочь поквитаться за поражение во Франко-Прусской войне, да и Британия зорко следила за своими геополитическими соперниками, ну и конечно главным вопросом оставались рынки сбыта. Итак, как говаривали теоретики марксизма, налицо необходимый и достаточный букет предпосылок к войне.

Под шум новостей с фронтов прошло еще два года. Летом 1915 года император Николай II принял на себя должность Верховного Главнокомандующего, сменив Великого князя Николая Николаевича, который был назначен командующим Кавказским фронтом. 25 августа 1916 года императорский поезд прибыл в Тифлис, где в то время находился штаб Кавказской армии. Императорский кортеж проследовал от вокзала к дворцу наместника, и по всему маршруту горожане восторженно приветствовали своего монарха. Сам император сидел в открытом экипаже и благосклонно улыбался своим подданным. Следом ехал экипаж Великого князя Николая Николаевича. И далее вся остальная процессия. Среди встречавших, в полном составе были учащиеся женской гимназии и, конечно же, наши героини. Мужчины кричали ура, дамы склонялись в глубоком поклоне. Бабушке Лене этот день запомнился на всю жизнь.

В Грузии был похоронен родной брат императора — Великий князь Георгий Александрович, который страдал легочной болезнью и продолжительное время жил в курортном местечке Абастумани. В живописном месте на могиле Великого князя была установлена часовня из

розового итальянского мрамора, а в самом городке по его повелению ранее была построена красивая церковь в грузинском стиле. Руководил росписью церкви известный живописец Валентин Серов. И церковь, и дворец Великого князя сохранились по сей день, а часовня была взорвана в советский период под предлогом борьбы с религией. На самом же деле местному руководству большевиков кто-то сказал, что в фундаменте часовни, возможно, находятся золотые червонцы, которые, по традиции закладывали в основания храмов. (Замечу в скобках, в восьмидесятых годах прошлого века нам часто доводилось бывать в Абастумани. Но на этом я остановлюсь ниже.)

Революция

Прошел еще год. Приближались бурные революционные дни. Революция зрела на фронтах и в столицах. Государственная Дума как могла, раскачивала ситуацию в стране. Правительство лезло из кожи вон, чтобы удовлетворять потребности фронтов, Николай II в качестве Верховного главнокомандующего находился при армии, не имея возможности уделять внутренним делам достаточно внимания. Стали проявляться признаки надвигающегося голода. На фронтах дела шли хуже и хуже. Солдаты отказывались повиноваться. В марте государю стали приходить телеграммы, в которых сообщалось о начале мятежа в Петроградском гарнизоне. Командующий войсками Петроградского военного округа потерял власть над городом. Начались пожары. Под сильнейшим нажимом со стороны Государственной Думы и руководства армии Николай II подписал отречение от престола в пользу Великого князя Михаила. Власть перешла к временному правительству. Однако никаких признаков стихийного восстания не было нигде, кроме Петрограда, Москвы и непосредственных окрестностей столицы.

Когда в марте 1917 года было объявлено о революции, люди приняли это как известие о событии, в котором они не принимали никакого участия. Отречение, с одной стороны, предотвратило немедленную вспышку гражданской войны, с другой — выбило почву из-под ног у военных и гражданских властей, которые в других условиях, могли бы стабилизировать ситуацию и организовать сопротивление надвигающемуся валу революции. Получив власть, Временное правительство оказалось неспособным нормализовать положение в стране, а главное, оно не было готово приступить к решению вопросов о мире и земле — именно это и дало шанс заняться этими вопросами другим. Этими другими оказались большевики.

Великая империя трещала по швам. Несмотря на убедительные победы над Турцией (было завоёвано почти половина её территории), к началу 1918 года Кавказский фронт оказался полностью развален. Те члены Государственной Думы, которые громче всех кричали о «единой и неделимой», оказались в Тбилиси с совершенно другими лозунгами и взялись за создание независимых государств Закавказья. Империю стали рвать на части. 8 июня 1918 года была провозглашена Грузинская Демократическая Республика (ГДР) во главе с меньшевистским правительством, которое было более озабочено вопросами расширения границ и признания суверенитета молодой республики, чем внутренним положением дел. В конце мая был подписан договор с Германией, в соответствии с которым началась германо-турецкая интервенция. Объединенные немецко-грузинские гарнизоны дислоцировались в различных частях Грузии. В конце 1918 года, потерпев поражение в Первой мировой войне, Германия была вынуждена вывести свои войска из Грузии.

Как только приходит война, общество погружается в хаос и разруху. Так и в Тбилиси в то время многие люди думали только о том, как согреть своё жилище и найти пропитание.

В семье Гридиных, например, сын Володя, которому в это время было десять лет, стал играть на пианино в ресторане, куда ходили по большей части немецкие офицеры, и тем самым помогал семье поддерживать какой-то уровень жизни. Немецкие войска быстро сменились победителями — англичанами, и в ресторанах, вместо немецких, теперь сидели английские офицеры. А в мае 1920 года правительство Грузии заключило мирный договор с РСФСР, и начался вывод английских войск. Однако мир продлился недолго.

А теперь — несколько воспоминаний о том, как большевики пришли в Тбилиси. Здесь уместно небольшое отступление. Был у меня товарищ с итальянским именем Джованни. Точнее, это был его творческий псевдоним, так как был он художником в третьем поколении, певцом старого Тбилиси. Не так давно он ушёл из жизни.

Джованни Вепхвадзе прославился рано, когда ещё учился в академии художеств. Он принёс на выставку молодых художников Грузии небольшую картину со скандальным сюжетом,

где была изображена центральная площадь Тбилиси — площадь Ленина (бывшая Эриванская), в центре которой вместо стоящего там памятника Ленину, стоял космический корабль пришельцев, а сам Джованни стоял перед этой ракетой с роскошным тортом в руках, а позади него выстроились для приветствия все виднейшие художники Грузии. Картина была не большая, но фигуры на ней были узнаваемые. Устроители выставки с подозрением отнеслись к сюжету картины и не включили её в постоянную экспозицию, однако разрешили выставить на пару дней в зале внеконкурсных работ. Картину быстро выкупили, и она пропала из поля зрения. Но набат прозвонил, Джованни стал известен.

Джованни оставил очень интересные воспоминания о тбилисской жизни, которые изданы в трёх книгах. У него была бабушка Лиза. Он любил, когда она вспоминала что-то из своей прошлой жизни. Я часто бывал у них в гостях, бабушка Лиза готовила сырники и поила нас чаем. Джованни потихоньку толкал меня в бок: «Попроси её что-нибудь рассказать». Я задавал какой-нибудь вопрос о временах бабушкиной молодости, например, как они жили при меньшевиках, как большевики пришли в Тбилиси и тому подобное. Лиза смотрела на меня подозрительно, потом говорила:

— Тэбе расскажу, ему — нет. Ему уже десять раз рассказывала, он смеётся надо мной. А тэбе расскажу. Как жили при меньшевиках? Тяжело жили. Работы у Вано (мужа) не было, денег не было. Меньшевики ничего для народа не делали, только кутили и весело время проводили. Всё что можно было, продавали иностранцам. Когда пришли большевики, была зима. Очень холодная. Дров для печки не было. Мы выходили на улицу, чтобы походить, согреться и обменяться новостями. Стали доходить слухи, что где-то идут бои. Я пошла к Эриванской площади. Там было столпотворение, стояли повозки с лошадьми, в них сидели оборванцы в грязных шинелях с ружьями. Это и были большевики. Их прихода давно ждали. Я прибежала домой и с радостью сообщила мужу эту новость: «Вано, пришли большевики, сейчас нам станет хорошо!». Мы радовались и надеялись, что наша жизнь станет лучше. На следующее утро газеты сообщили, что пришла советская власть.

Так рассказывала бабушка Джованни.

Большевицкие реформы

Через несколько дней после прихода большевиков в Тбилиси несколько человек, одетых в черные кожаные куртки с маузерами на боку, зашли в магазин «Пассаж» и поднялись на третий этаж в кабинет директора. Отрекомендовавшись представителями новой власти, они показали решение о национализации магазина. Константин Карлович Замков молча вытащил из кармана ключи от сейфа, положил их на стол и пошёл домой. Однако дело этим не кончилось. Через пару дней ему позвонили и попросили подойти в назначенное время в городскую управу. Там его пригласили в кабинет председателя, и человек в кожанке, достав из ящика стола ключи от его сейфа, предложил Константину Карловичу стать бухгалтером магазина «Пассаж». Недолго думая, Константин Карлович взял свои ключи и принял предложение уполномоченного комиссара, которому поручили организацию торговли в городе.

А за день до этого в семье Люси Чилингаровой произошло страшное событие. Около одиннадцати часов вечера раздался громкий стук в дверь. В прихожую ввалились несколько человек, показали документы, переговорили негромко с хозяином дома Иваном Михайловичем, приказали ему одеться и увезли с собой. Три человека остались, всех женщин подняли с постелей, собрали в одной комнате и предложили сдать украшения и драгоценности. «Если кто утаит что-нибудь, будет отвечать по революционному закону», — сказал старший. У кого были кольца, бусы, серьги — всё сложили на стол. Эти трое обошли все комнаты, заглянули в ящики и шкафы, написали протокол и приказали подать чай. Через некоторое время вернулся Иван Михайлович с сопровождающими, те ещё раз бегло осмотрели комнаты, и вся команда покинула дом. Позже приходили с обыском ещё два раза, перерыли весь дом, перетряхнули все вещи и забрали все, что посчитали нужным. Магазин свой Иван Михайлович сдал и больше туда не появлялся. Правда, надо сказать, забрать все чекистам не удалось. Самые красивые свои кольца Люся сохранила, сняв, в последний момент с пальца и бросив в стакан для карандашей на чернильном приборе. Они остались с ней на всю жизнь и переходили по наследству.

Подходил к концу период военного коммунизма, и Бог, видимо, до поры хранил Грузию. Экономический эксперимент, в основе которого была революционная целесообразность, прошелся косо по всей России, но не очень задел Грузию. И вскоре наступил период НЭПа — новой экономической политики.

НЭП

В магазинах снова появились продукты, а у людей — деньги. Торговля — это великий двигатель прогресса. Жизнь закипела, люди опять потянулись друг к другу, стали общаться, ходить в гости. Опять заработали театры, рестораны, духаны. Наступила весна 1921 года. Девочки окончили гимназию и нужно было как-то определяться в жизни, получать какую-нибудь специальность. Это было время, когда только начинали основываться высшие учебные заведения в республиках. А хорошее образование можно было получить только в центральных городах России или за границей. Популярными учебными заведениями для женщин были курсы машинописи или бухгалтерии, хотя бухгалтерами довольно часто работали мужчины. Университет в Тбилиси открылся в 1918 году — с единственным факультетом философии, а первый выпуск был в 1922 году. При советской власти открылись четырёхгодичные подготовительные курсы для поступления в университет (рабфак).

В 1920 году в Тбилиси с Алтая прибыл молодой человек приятной наружности. Звали его Иван Карпович Макарьев. Приехал он по причине слабого здоровья — болел часто и долго. Доктора посоветовали ему сменить климат на более тёплый. Отец его имел достаточно крупный конский завод под Бийском, семья была большая, работающая, все дружно трудились в семейном деле, а Иван Карпович занимался бухгалтерией. Вопрос с его отсылкой в Тбилиси отец решил единолично; Ивана быстро собрали в дорогу, вручили матрас из конского волоса, денег на дорогу и обустройство и, как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Почему он переехал именно в Грузию, я сказать не могу. Но, так или иначе, оказался Иван Карпович в Тбилиси. Снял небольшую квартиру, устроился на работу экономистом, познакомился с местным обществом, короче — вписался в местную жизнь. Как-то раз, прогуливаясь летним вечером в Верийском парке, он встретился с дядей Колей Калатозовым и предложил ему партию в шахматы, потом — по кружке пива, так они познакомились и подружились. Дядя Коля ввел Ивана в семью Гридиных, где тот познакомился с Леной и через какое-то время предложил ей руку и сердце.

Не могу не написать и о братьях Жене и Толе Янушеках, которые приходились троюродными братьями моей бабушки Лене. Начнём с Толи. Это была натура в высшей степени артистическая. С самого детства, куда бы он ни приходил, там сразу начинался смех, шум, гам. Несмотря на то, что часто это бывало совсем не к месту, Толю с его выходками ничто не могло остановить. Учился он отвратительно, целый день гонял по городу, дрался и хулиганил. Его постоянно оставляли на второй год, но ничто не помогало. Друзей у него было полгорода и все от души его любили. Из школы Толю всё-таки отчислили за неуспеваемость, и встал вопрос: куда устраиваться работать. Родители пытались заинтересовать Толю каким-нибудь ремеслом, но ему ничего не подходило. Ему нравилось пить вино, гулять и веселиться. Решили сделать из него чистильщика обуви — купили ящик, щётку, гуталин и отправили на вокзал. Но из этого ничего хорошего не получилось — вернулся домой без ящика, щёток и гуталина. Тогда его устроили извозчиком на фаэтон (в то время в качестве такси в Тбилиси использовались лёгкие коляски с откидным верхом, запряжённые одной лошадью). Неожиданно эта идея ему очень понравилась, и он взялся за неё с удовольствием и вдохновением. Лихач по натуре, он гонял по городу наперегонки и без всяких правил, а вечером битком набивал коляску своими друзьями и, пьяные, они носились по ночному Тбилиси и распевали песни. В конце концов, из ямщиков его тоже выгнали, но этот период своей трудовой деятельности он всегда вспоминал с большим удовольствием и удовлетворением. Наконец, друзья предложили ему попробовать себя на сцене, и для начала устроили в театр пожарным. После пробного дебюта какой-то второстепенной роли режиссёр взял Толю в труппу. Через некоторое время ему предложили перейти в театр музыкальной комедии в Краснодаре, где он играл первые роли и вскоре

получил звание заслуженного артиста. Толя часто приезжал в Тбилиси, где друзья устраивали ему торжественные встречи. Как правило, с ним прибывали какие-то случайные попутчики, с которыми он знакомился в поезде. Он всегда их тащил домой и оставлял на ночлег. На свадьбе у Лены Толя должен был стать тамадой, и близкие и друзья приехали встречать его на вокзал. Поезд пришел, а Толи нет. Зашли в вагон, спросили у проводника, никого не нашли. Встревожились, дали телеграмму в Краснодар, потом разъехались по домам. Через три часа Толя появился дома, удивлённый и виноватый. Оказывается, он заснул на третьей полке и его никто не заметил. Проснулся, когда поезд был уже в тупике. Словом, с ним всегда приключались какие-нибудь истории.

Что касается Жени, то у него всегда всё было хорошо — в школе был отличником, слыл остроумным человеком, потом стал страстным автолюбителем, спортсменом и поэтом. Жил на левом берегу Куры, на улице им. Клары Цеткин, в доме с большим внутренним двором, в котором всегда играли дети. Ровно в 12 часов во дворе раздавался низкий густой женский голос: «Гога, иди пить кофе», — это заботливая еврейская мама звала полдничать будущего великого режиссёра Георгия Товстоногова. Видимо, своей карьерой он во многом был обязан маме. После войны, Женя, на зависть всему городу, привёз из Германии шикарный автомобиль BMW, на котором гонял по всей Грузии.

Но вернемся к Ивану Карповичу и Лене. Итак, дело шло к свадьбе, родители не возражали, несмотря на то, что жених был значительно старше невесты. Нужно отметить, что это была первая свадьба в их кругу в этом поколении. Позже были и другие. Но, полагаю, это торжество стоит описать.

Свадьбу решили играть дома. Наняли поваров, дворник Федот растопил русскую печь во дворе, в которой пекли пироги, запекали поросят и цыплят. Стол накрыли в двух комнатах — человек на пятьдесят. В первый день были приглашены родственники и друзья молодых. Сами молодые приехали на фаэтоне, украшенном белыми розами. Гости тоже подъезжали на фаэтонах. Во дворе играла шарманка. В разгар веселья появились кинто — популярные персонажи грузинских праздников, и начали бросать на стол живую рыбу (цоцхали). Рыба прыгала по столу, переворачивала бокалы с вином и попадала в тарелки. Женщины пищали, мужчины кричали «горько». Кинто посадили за стол на общем балконе и там они пили вино и пели грузинские песни. Потом был сладкий стол и фрукты. На следующий день за столом собирались соседи и сотрудники. Были песни и танцы. Тамадой был дядя Коля, а его помощником — Толя.

Наступила пора стабильности. НЭП продлился почти до 1931 года и постепенно стал выдавливать централизованной экономикой. Новое поколение выросло, нашло свою дорогу в жизни, обрело семьи, к кому-то пришли первые успехи.

Володя Гридин окончил строительный институт и консерваторию. Занимался лёгкой атлетикой, и с 1928 по 1930 годы становился чемпионом Закавказья по спринтерскому бегу. Люся окончила школу и курсы стенографии. По результатам испытаний ей присвоили высшую квалификацию — «съездовской стенографистки» — и предложили работать секретарём председателя городского совета г. Тбилиси. Лена стала экономистом. В 1926 году у них с Иваном родился сын Юра — мой отец.

Александр Фёдорович Гридин — мой прадед

1937 год принёс с собой волны репрессий, причиной которых, по-видимому, было господствующее в правящей верхушке постреволюционное представление о том, что социалистическое общество можно менять методом социальной инженерии в зависимости от того, как складывается политическая ситуация. Не избежала репрессий и наша семья. Из документов у нас остался приговор Гридину Александру Фёдоровичу.

В октябре 1938 года, вечером, к дому подъехала машина, три человека в гражданском поднялись на третий этаж, открыли дверь и спросили: «Гридин Александр Фёдорович дома? Вот постановление о задержании. Собирайтесь и следуйте с нами».

На следующий день родственники и друзья попытались узнать хоть какую-то информацию: по какой причине моего прадеда арестовали, где он находится, в чём его обвиняют. Но все попытки были тщетны. Человек как сквозь землю провалился. В таком неведении семья жила около полугода. И вот однажды прибегает одна знакомая, очень взволнованная, и говорит, что какая-то её подруга видела, как Александра Фёдоровича в легковой машине везли по городу. Это известие немного успокоило родных. Теперь знали главное — что он жив. Полгода проводились допросы, было обвинение по ст. 50/10 — убеждённый монархист, противник советского строя и иранский шпион. Обвинение строилось на показаниях одного свидетеля. Был суд. Приговор — четыре года лишения свободы в трудовой колонии. Александру Фёдоровичу было тогда шестьдесят шесть лет. Может, поэтому дали не на полную катушку. Отправили в колонию — в зиму, холод.

Как раз в это время случилось так, что у начальника колонии заболел сын и что они с женой ни делали, к каким врачам ни обращались, ничего не помогало — ребёнок угасал. Кто-то из врачей сказал, что есть такой медик — Александр Фёдорович Гридин, попробуйте обратиться к нему. Начальник колонии вместе со своей женой приехали к нам домой и от Зинаиды Митрофановны узнали, что муж её находится в местах не столь отдалённых.

С этих пор прадеда стали регулярно возить на квартиру к начальнику колонии, сначала по два раза в день, потом по одному. Через две недели ребёнок выздоровел.

Начальник колонии в ответ хотел сделать доброе дело и как-то облегчить положение спасителя своего сына. Сначала он перевёл доктора на работу в котельную, так как там было тепло, а для выполнения тяжёлой работы выбрал ему в подручные самого крепкого из уголовников, рецидивиста по имени Николай. Это удивительно, что несмотря на разницу в возрасте и в общественном положении, заключённые смогли душевно сблизиться: Николай опекал своего старшего товарища, а Александр Фёдорович, в свою очередь, стал обучать его своей профессии. Когда освободилась должность фельдшера колонии, туда назначили Александра Фёдоровича, а он настоял, чтобы помощником у него остался Николай.

В начале осени 1939 года Иосиф Сталин отдыхал на своей даче в Абхазии. Известно, что вождь страдал хронической болезнью (у него была так называемая «сухая» рука) и нуждался в ежедневных сеансах массажа, поэтому в свите Сталина, кроме врача, был личный массажист. Уже достаточно пожилой человек, он долгие годы находился рядом со своим «хозяином» и вдруг скоропостижно умер. Для Сталина это была большая потеря, он лишился человека, который был в курсе его интимных проблем. Вождь стал раздражительным, у него начались сезонные обострения, и его свита из кожи вон лезла, чтобы как-то решить эту проблему. Задача была весьма непростая, и решить её взялся Лаврентий Берия. Он приказал своим офицерам, чтобы пересмотрели личные дела всех возможных кандидатов, и нашли достойного. Офицеры НКВД перетряхнули всё здравоохранение Грузии и, наконец, остановились на Александре Фёдоровиче Гридине. Выходило, что только он один и мог взяться за это дело.

Доложили Берии все как есть: мол, сидит по ст. 58/10, искупает вину. Берия посмотрел на них поверх очков и спросил: «У вас что, все хорошие врачи в тюрьме сидят? Идите и договаривайтесь, но чтобы массажист был». Поехали офицеры НКВД в колонию, привели к ним Александра Фёдоровича, объяснили всё ему и ещё сказали, что из тюрьмы выпустят, в правах восстановят, квартирные и все другие бытовые проблемы решат, только соглашайтесь. Прадед подумал немного и сказал: «Я уже старый, больной человек, и за это взяться не могу, извините». Доложили Берии. Берия от неожиданности оторопел: «Как так! Я вам сказал, чтобы массажист был. Вы что, договариваться не умеете? Ничего поручить нельзя. Идите, думайте, исполняйте».

Приехали бедные офицеры снова в колонию, вызвали бедного Александра Фёдоровича, и сказали, что не могут вернуться без массажиста. Пусть он хоть порекомендует кого-нибудь,

кто мог бы справиться с такой работой. Александр Фёдорович подумал немного и указал на Николая.

Сам он остался в исправительно-трудовой колонии до конца срока, который истек в 1942 году, работал и фармацевтом, и врачом, очень добросовестно относился к своему делу. Руководство колонии, которое было очень заинтересовано, чтобы он продолжал свою работу в качестве вольнонаёмного, неоднократно премировало его. А Николая увезли, сделали ему необходимые документы, обеспечили квартирой в Москве. Он стал личным массажистом Сталина и оставался им до самой смерти вождя.

После окончания войны, ранней осенью 1945 года, к нашему дому подъехал светлый ЗИМ с открытым верхом. Из машины вышел человек богатырского роста, одетый, как профессор. Это был Николай. Привёз много подарков. И в дальнейшем ко всем праздникам прадедушка и прабабушка получали от него поздравительные открытки. После смерти Сталина след его затерялся.

В августе 1950 года умерла Зинаида Митрофановна. Она долгое время страдала тяжёлой формой диабета. Александр Фёдорович смог пережить её только на один месяц. Их похоронили на Вакийском кладбище. С моими детьми Ниной и Димой мы регулярно приносили цветы на их могилу.

Юрий Иванович Макарьев — мой отец

Часто характер ребенка виден с самого рождения. Все говорили, что Юра был гиперактивным. В школе учился хорошо, был музыкален, играл на нескольких музыкальных инструментах, любил театр, участвовал в театральных постановках. Когда ему было пятнадцать, он потерял отца, который долго и тяжело болел. Юра остался единственным мужчиной в семье, и здесь проявилась его ответственность. С пятнадцати лет стал работать в театре юного зрителя. В 1945 году, за несколько месяцев до Победы, его призвали в армию и направили на учёбу в Ленинградское артиллерийское училище. Дома ему собрали в дорогу вещевой мешок и проводили до вокзала. Ленинград в это время активно восстанавливался после блокады, ремонтировались дороги, восстанавливали разрушенные здания, устанавливались на свои места памятники и скульптуры, которые были временно сняты и закопаны в секретных местах под землёй. Юре довелось принимать участие в этих работах.

Артиллерийское училище располагалось в Михайловском замке, одном из красивейших архитектурных комплексов Ленинграда, задний фасад которого выходит к Летнему саду. В этом дворце на рубеже 18—19 веков жил российский император Павел I, здесь же он и был убит заговорщиками. Во дворе замка на время блокады были закопаны знаменитые кони Клодта с Аничкова моста.

В 1947 году, на спектакле в театре Зимнего дворца, Юра познакомился с восемнадцатилетней Зиной Ивановой. Она пришла туда по приглашению вместе с подругами. Родня Зины происходила из Тверской губернии, из крестьянской среды. Сохранились воспоминания о ее прабабушке Секлестинии, рождённой в 1801 году и прожившей 100 лет. Она была знахарка (как сейчас говорят, врач нетрадиционной медицины). Следующее поколение были зажиточные крестьяне. Их звали Егор (Георгий) и Ксения Смирновы. Воспоминаний о них значительно больше. Рожденные уже после отмены крепостного права (1861 год), они смогли построить крепкое и продуктивное хозяйство, ведь семья у них была большая и работающая. Работали все дружно, имели большой дом, много скота, лошадей, весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь, нанимали сезонных работников, занимались и земледелием, и скотоводством. Мою прабабушку Ксению я видел однажды в Ленинграде, когда мне было около 8 лет, меня специально привели показать ей. Ну а ей тогда уже было около 100 лет.

Их дочь Катя (мама Зины, моя бабушка) с 14 лет занималась швейным делом. В своей деревне она была и модельером, и швеей. Потом стала обслуживать три близлежащие деревни, шила верхнюю одежду. Зарабатывала хорошо. В деревне же её сосватали за Петра Георгиевича Иванова, моего деда, которого я очень хорошо помню. Он учил меня плавать, когда летом мы отдыхали на даче в Кавголово. В 1915 году Петра призвали на Балтийский флот и отправили на завод в Петроград, где строились первые подводные лодки, для подготовки специалистов плавсостава. После подготовки экипаж своим ходом (на лодке) отправился в Кронштадт на специально построенную базу для дальнейших испытаний, во время которых лодка затонула, а команде пришлось покинуть судно через торпедный аппарат. Спасательная операция прошла удачно.

Минула революция, и морякам-подводникам предложили отправляться по домам. Пётр Георгиевич вернулся в деревню, женился на своей невесте Кате и, казалось бы, всё начинает складываться к лучшему. Есть дом, хорошо налаженное по тем временам хозяйство. Но не тут то было. Как раз в это время и в деревне начались серьёзные изменения, которые сказались на деревенском укладе жизни. Из-за острой нехватки продовольствия в городах, правительство стало бороться с «деревенской буржуазией». Лидер большевиков Владимир Ленин потребовал, чтобы приняли декрет «о беспощадной и террористической борьбе и объявили войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба». В декрете были

пункты об объявлении отказывающихся от сдачи излишков хлеба врагами народа, наказании тюремным заключением на срок не менее 10 лет, с конфискацией имущества. Для реализации этой политики по решению Совнаркома стали создаваться комитеты бедноты — «комбеды», в которые могли избираться не только местные жители, но и прибывшие в деревню городские рабочие и советские работники которые поголовно причисляли крестьян к кулакам со всеми вытекающими последствиями.

Таким образом сама жизнь управила так, что не оставила им шансов остаться в деревне. У бабушки Кати была сильная врожденная бизнесовая жилка, и в семье она всегда играла первую скрипку. К тому же они были молоды, и она не сомневалась, что сможет устроиться и выжить в любом месте и в любой стране. Даже когда ей было за 80 лет, а в СССР началась перестройка, она говорила, что если бы в её время были такие возможности, она бы что-нибудь придумала и непременно стала бы миллионершей.

Переезд из деревни в то время был сопряжен с достаточной долей риска — твёрдой власти не было, по дорогам шныряли бандиты и проходимцы, у населения было полно оружия. Пётр купил пистолет и патроны, Катя собрала вещи, какие возможно было увести с собой, сели на подводу и поехали на станцию, где должны были сесть на поезд, который шёл в Петроград. Добрались до столицы без приключений. Дед нашёл работу по строительству, построил и собственный деревянный домик в Лесном, а бабушка зарабатывала шитьём и на жизнь, и на стройматериалы. А когда в деревне уже всю стали раскулачивать крестьян, все остальные родственники вынуждены были бросить дом, хозяйство и перебраться в Петроград, где по слухам, было более безопасно и сытно. Бабушка, как могла, помогала устроиться всем родственникам. Там все и обосновались.

У Петра и Кати родились две девочки — Зина и Галя (в 1928 и 1930 годах). В 1941 году, когда началась война, Пётр Георгиевич работал на железной дороге, и всю их организацию отправили в эвакуацию в Пензу. Петру и Кате выделили маленький деревянный домик рядом с железнодорожными путями, где суждено им было прожить долгих три года. Однажды случилось происшествие, которое чуть было, не стало роковым. Зимним вечером, когда уже стемнело, а родителей не было дома, раздался громкий стук в дверь. Зина пошла посмотреть, кто пришёл, и трое грабителей ворвались в прихожую, один из них молотком стукнул Зину по голове. Галя, услышав шум и испугавшись, спряталась под кровать, а Зина потеряла сознание и упала на пол. Грабители думали, что никого в живых в доме уже не осталось, забрали всё, что могли унести с собой, и быстро убежали. У Зинаиды Петровны до сих пор сохранился след в виде небольшой впадины от этого удара, и она, время от времени, вспоминает эту историю.

После снятия ленинградской блокады Петр со своей семьёй вернулись в Ленинград. В то время в Ленинграде было много бесхозных разорённых квартир, в которые заселялись семьи на условиях проведения ремонта за свой счёт. Петру только это и нужно было. Они заняли прекрасную, большую светлую комнату на первом этаже в коммунальной квартире. Руки у Петра были золотые, материалы выдавала железная дорога, так что никаких проблем с жильём у них не было. Их дом стоял на пересечении Гривцова переулка и набережной канала Грибоедова — в историческом центре города. Однажды, когда я ехал на такси из аэропорта Пулково, таксист, услышав этот адрес, сообщил мне, что в этом доме жил известный ленинградский бандит Лёнька Пантелеев. Приехав домой, я сказал об этом бабушке Кате. Она подумала и вспомнила, что, когда они только ремонтировали эту квартиру, вокруг шаталось много подозрительных личностей, а в самой комнате одно из окон было переделано в потайной выход на набережную. Так мы поняли, что именно в их комнате жил легендарный ленинградский бандит.

Итак, в начале 1945 года в возрасте девятнадцати лет Юра Макарьев приехал в Ленинград из Тбилиси и поступил на учёбу в Ленинградское артиллерийское училище. Шёл заключительный этап войны. Уже год как была снята блокада Ленинграда, и город постепенно приходил в себя. Жители возвращались в город из оккупации и обживали его заново. Открывались

школы, детские сады, кинотеатры, театры, музеи, парки. Основывались новые учебные и исследовательские институты. Требовалось большое количество специалистов для восстановления, нарушенного войной, хозяйства страны. Везде нужны были инициативные, работоспособные и талантливые люди.

Я бы сказал, что мой папа, с его мощным темпераментом, попал в то место и то время. Одного года хватило ему, чтобы полностью освоиться в новом для себя городе. Его избрали комсомольским секретарём училища, он стал своим человеком в театральном мире Ленинграда, с удовольствием занимался общественной работой. Нужно отметить, что ему как-то удавалось соблюдать баланс между учебой, комсомольской работой и театральными увлечениями. На основе шефских отношений Юра договорился с руководством Эрмитажа об использовании дворцового театра для постановки любительских спектаклей. Курсанты училища вместе с сотрудниками Эрмитажа ставили театральные пьесы классических авторов и приглашали на спектакли молодёжь города.

Так вот, Зинаида Петровна Иванова и Юрий Иванович Макарьев, мои родители, познакомились именно здесь, во дворце императоров Российской империи. Через некоторое время они решили пожениться. По окончании курса училища, Юре предложили остаться в Ленинграде и продолжить службу в училище в качестве начальника клуба. Под клуб был отведён один из парадных залов Михайловского замка и смежные с ним служебные помещения. В 1948 году состоялась свадьба моих родителей, довольно скромная по послевоенным временам, были только две подружки, а из деликатесов — только винегрет, затем молодожёны поехали в Тбилиси и там Юра официально представил родственникам свою жену. Пригласив всех близких, свадьбу отпраздновали ещё раз. Вернувшись из Тбилиси, молодые сначала жили у родителей Зины, в коммунальной квартире, впятером в одной комнате. Честно говоря, сейчас я не очень-то представляю, как им это удавалось. Ну а когда родился я, естественно, это коллективное житьё дало трещину, и молодая семья с ребёнком вынуждена была куда-то уйти. Поскитавшись, некоторое время по друзьям и знакомым, Юра привёл Зину вместе с ребёнком в училище, в кабинет начальника клуба — в царские палаты. Поставили в углу огромного кабинета гофмаршала двора его Императорского величества детскую кроватку, и сами как-то устроились рядом на полу. Началась для меня дворцовая жизнь, которая быстро закончилась неожиданным приходом начальства. Был шум-гам, но, как говорится, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Нам срочно выделили жильё, а именно комнату в коммунальной квартире на Набережной Невы. В этой квартире жила ещё одна офицерская семья — Веденевы. У них была дочь Таня, моя ровесница и подружка, а впоследствии известная актриса и телеведущая — знаменитая «тетя Таня» из программы «Спокойной ночи, малыши».

Через два года перед Юрием Ивановичем встал выбор — либо уволиться с военной службы и перейти на комсомольскую работу в Куйбышевский райком комсомола на должность первого секретаря, либо поехать в Казахстан, проходить дальнейшую службу на строящемся секретном ядерном полигоне. Отец посоветовался с мамой, и выбор был сделан в пользу ядерного полигона.

Часть 2. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА (ДЕТСТВО)

Ядерный полигон

Это был военный город в Семипалатинской области, в безбрежной казахстанской степи, который впоследствии, получил название Курчатов. Когда ехали в темноте по ровной как стол дороге, по световым дорожкам автомобильных фар, и справа и слева прыгали тушканчики, а по бескрайней степи катились перекаטיפоле. До сих пор мне снится, иногда, что я чувствую запах этой степи, от которого кружится голова. В этом городе жили только военные со своими семьями. Там я пошёл в детский сад, затем в школу.

Город стоял на обрывистом правом берегу реки Иртыш. Река была мощная, широкая, судоходная, с быстрым течением и островами, заросшими буйной растительностью. Говорили, что в этих местах в 16 веке погиб знаменитый казачий атаман и завоеватель Сибири Ермак Тимофеевич. Планировка города была современная, были разбиты большие парки, во дворах сооружены фонтаны, было высажено много декоративных деревьев. Дома были в основном трёх и четырёх этажные. Дороги были бетонные, но во дворах не было предусмотрено ливневой канализации или она не работала, и вследствие этого после дождей образовывались грандиозные лужи. В детстве, примерно лет с 6 у меня проявилась непреодолимая страсть к лужам. Я всеми правдами и неправдами добился того, чтобы родители купили мне резиновые сапоги. До сапог у меня были боты, но я каждый день ходил с мокрыми ногами. Родители просто вынуждены были купить мне что-нибудь повыше. И вот я стал обладателем резиновых сапог, которые в будущем мне покупали каждый год, вплоть до окончания школы. Теперь, по весне, мне были подвластны все лужи. Я их все знал наперечёт и особенно уважал самые глубокие, где можно было зачерпнуть воды даже резиновыми сапогами, что я аккуратно и проделывал, за что, как следует, получал от отца. Я педантично измерял все глубины, так что вполне мог работать там лодчманом. Наверное, эта страсть впоследствии проявилась у меня в любви к яхтам.

К лету мне купили велосипед «Орлёнок», на котором я гонял по улицам и тропинкам на склонах к реке. Через бурную протоку на остров построили основательный деревянный мост, с которого можно было наблюдать мощных быстрых нельм (вид рыб). В реке водилось также много другой разнообразной рыбы, а по берегам, в зарослях травы гнездились дикие утки и степные орлы. Интересно, что гнёзда уток и орлов нередко находились рядом. Один раз я принёс домой десять только что вылупившихся утят. Они жили у нас дома, и ходили за мной как привязанные — думали, что я есть их мама. Плавать я носил их в фонтан. Потом родители уговорили меня отдать их в живой уголок, где уже содержались такие же утки. Я согласился, что им там будет веселее.

Зимой детская жизнь сосредотачивалась на крутых спусках к реке, или на заливаемых катках и горках. Скатывались с ледяных горок просто стоя на ногах. Это мне удавалось лучше всех, — в этом я был бесспорный чемпион. На коньках катались на стадионе и на глухой протоке, расчищали снег, чистили лёд и устраивали хоккейное поле. На этой протоке были кое-где незамерзающие в любой мороз полыньи, потому что под водой были подземные источники.

Однажды, когда я пошёл кататься на коньках и подъехал очень близко к краю полыньи, посмотреть, как плавают зимой рыбки, лёд подо мной провалился, и я с головой ушёл под воду. Дело уже было к вечеру, и на реке никого из людей не осталось, так что мне пришлось выбираться на лёд самостоятельно, и затем два километра бежать домой мокрым. Когда пришёл домой, штаны замёрзли как фанера — невозможно было снять, пришлось отогревать около батареи. Зимние температуры, нередко, достигали там 40 градусов мороза и ниже, в эти периоды школа не работала, и у нас бывали дополнительные каникулы — самое весёлое время.

Весной, к началу мая, на реке начинался ледоход. Со стороны реки слышался глухой рокот — это сталкивались между собой огромные льдины, образуя на поворотах реки многокилометровые пробки — заторы. Льдины с характерным шорохом напоздали друг на друга, складываясь в непроходимые торосы. Когда заторы бывали особенно сильные, начинались разливы и затопление низкого левого берега. Два раза я видел, как на заторы сбрасывали бомбы бомбардировщики, стараясь освободить проход воде. Если они точно попадали в критическое место, огромная многокилометровая масса льда вдруг начинала движение. Все ходили на реку смотреть ледоход. Он продолжался несколько дней. Купаться, потихоньку от родителей, начинали сразу после окончания ледохода, в первых числах мая. Трое моих друзей второклассников вместе со мной раздевались догола на берегу и босиком, подбадривая друг друга, по льдине спускались в мутную воду, окунались, и, как ошпаренные выскакивали на берег. Это считалось геройством.

Осенью, при смене сезона, случались ураганы. К концу октября начинали дуть ветры, которые постепенно усиливались и, в конце концов, превращались в бурю. Срывало крыши с домов, переворачивало машины, по воздуху летало все, что не было врыто в землю. Через некоторое время ветер стихал, и начиналась зима.

В 1956 году родился мой брат Вова, и мне постепенно стали поручать заботу о нём. Разница в возрасте у нас была 7 лет. Учитывая то, что мне тогда было 9 лет, общих интересов быть не могло. Все пацаны ватагой гоняли по дворам, а я должен был ходить следом за коляской или за ручку с маленьким ребёнком. Понятно, что нравиться мне это не могло. Душа рвалась на волю. Что я только не придумывал, чтобы улизнуть одному на улицу. Одним из выходов, какие я придумывал, была посадка Вовы в своеобразной манеж — глубокие ямы для высадки деревьев, и бросал туда совок и ведёрко. Бывало так, что я приходил к яме через некоторое время, а Вовки там не было. Оказывалось, что какие-то сердобольные люди, думая, что ребёнок случайно туда провалился, доставали его, и отпускали на волю. И уж тогда мне приходилось искать его по всей округе, а это было далеко не просто. Видя такую почти безвыходную ситуацию, родители выписали из Тбилиси бабушку Лену. Она приехала с удовольствием и взяла на себя заботы по дому. Но, надо сказать, что воли это мне особенно не добавило. Скорее наоборот — я должен был всё время отпрашиваться и отчитываться где был, что делал, куда пошёл. К тому же стали проверяться у меня домашние задания. Это тоже меня не очень то устраивало. В общем, я попал под плотный колпак.

Ссылка в Тбилиси

После окончания четвертого класса бабушка Лена забрала меня на лето с собой в Тбилиси, где она жила вместе с сестрой Люсей. Приехав в Тбилиси, я совсем потерял свободу и смертельно скучал. Дело кончилось тем, что я серьёзно заболел лёгочной болезнью и на месяц слёг в постель. Бабушка меня выхаживала. К началу учебного года меня с трудом подняли на ноги. Но я был еще слишком слаб, и врачи не рекомендовали отправлять меня в Казахстан, а советовали для укрепления ослабленного организма оставить на один год в Тбилиси и как следует откормить. Было решено (к моему великому неудовольствию), что в пятом классе мне придётся учиться в тбилисской школе №49.

Да, вот это я попал! Теперь вместо одной бабушки у меня оказалось две, и вдвоём они дружно взялись за моё воспитание. Решив сделать из меня отличника, они наняли репетитора по математике, а по русскому языку Люся гоняла меня сама, заставляя учить правила и переписывать бесконечные тексты из учебника по литературе. К тому же, я от их диеты изрядно потолстел. В общем, жизнь в Тбилиси мне совершенно не нравилась, и я мечтал как можно скорее вырваться на волю казахских степей.

А в это время в Тбилиси произошло событие, коего мне довелось стать свидетелем. Весной в Грузию пожаловал с официальным визитом руководитель СССР Н.С. Хрущёв. Преподобный кортеж с партийным лидером проследовал от вокзала точно по тому же маршруту, что и 45 лет назад кортеж императора Николая-II. Волею случая, я со своими одноклассниками стояли точно на том же месте, где 45 лет назад стояли ученицы женской гимназии, встречая царя, и с энтузиазмом приветствовали высокого гостя. Никита Сергеевич стоял в открытой машине и приветливо махал встречающим рукой. Когда кортеж поравнялся с нами, ему подали белого голубя мира, и он выпустил его под аплодисменты восторженной публики. Удивительно, сколько событий вместили в себя эти 45 лет.

Наконец, окончив пятый класс и с трудом отбыв два летних месяца на даче в Манглиси, я был привезён в свой любимый Казахстан, где мог сколько душе угодно без присмотра гонять по степям и по берегам реки. Но окончить шестой класс в Казахстане мне было не суждено.

Златоуст

К весне отца перевели на следующее место службы, и мы переехали на Южный Урал. Место было очень красивое, я бы сказал почти дачное, военный городок располагался в горах, в сосновом лесу, неподалеку протекала горная речка Буланка. Там была свобода, можно было гулять по лесу, собирать грибы и ягоды (малину и землянику). Там у меня появились первые друзья детства из одноклассников — Олег Свиридов и Сергей Максимов. К сожалению, оба они ушли из жизни довольно рано, но пока они были живы, мы старались поддерживать друг с другом тесные отношения. Вместе мы ходили на ночную рыбалку на налимов, участвовали в пеших походах по Южному Уралу, проводили лето в спортивном лагере на озере Увельды, путешествовали по озёрам Кисегач и Еловое, совершали восхождение на Южноуральские вершины и даже проходили Серпиевские пещеры.

Вспоминаются приключения, когда после девятого класса меня и Сергея отправили в спортивно-трудовой лагерь на озеро Увельды. Получили там такую хорошую трудовую закалку, так как приехали на пустое место в лесу на берегу большого озера, и всё, что было необходимо, строили своими силами, — ставили палатки, оборудовали кухню и столовую, возводили причал для лодок и много всего другого. Всего в лагере было человек 50 — 60 детей примерно нашего возраста и несколько школьных учителей. Главным там был учитель по труду Николай Андреевич, он всё умел и знал, как и что надо делать. Повариха была профессиональная, но были дежурства по кухне для обеспечения костра дровами и питьевой водой. Девочки тоже дежурили по кухне, — чистили картошку, резали овощи и мыли посуду. Таким образом, все были до вечера заняты, никто не скучал.

В пятистах метрах от лагеря, почти на берегу озера был радоновый источник с вкуснейшей минеральной водой. Если подойти к озеру, то в радиусе полкилометра от впадения источника всё песчаное дно казалось покрытым ровным плотным слоем серебра. Берёшь в ладони это серебро, а в руках оказывается бурый песок. Бросаешь его в воду, а он, поблескивая на солнце, садится на дно, и опять дно становится серебряным. Удивительное явление.

После того, как основные работы по лагерю были завершены, и оставались ещё несколько дней до завершения лагерной смены, Николай Андреевич предложил поработать в близлежащем колхозе на сборе овощей. Два дня всех, включая и учителей, возили на сбор моркови. За работу колхоз выдал каждому по 2 рубля с копейками.

По окончании смены, в назначенное время должны были приехать два автобуса и отвезти всех в наш город. Все подготовились, собрали вещи, но автобусы задержались. Ждали мы их уже около двух часов, извелись совсем, и я предложил Сергею, пока нет автобусов, покаяться на лодке. Он согласился, — что зря сидеть, маяться. Пошли, взяли вёсла, сели на лодку, немного отплыли от берега, и вдруг поднялся сильный ветер. Мы попробовали повернуть к берегу, но пошла такая высокая и крутая волна, что стало захлёстывать и заливать лодку. Пришлось отпустить её по ветру, и нас погнало к противоположному берегу, а потом пришлось грести вокруг озера ещё часа три, пока достигли, наконец, лагеря. Автобусы, конечно, приехали и уехали. Никого в лагере не было, кроме дежурной. Автобусы прибыли в наш город, где всех встречали родители, а наши родители никого не встретили. Им сказали, что эти непослушные хулиганы самовольно уплыли на лодке и не вернулись. Может быть, и утонули. А мы с Сергеем на следующий день уже добирались самостоятельно, — сначала пешком, потом автобусом до Челябинска, потом на поезде, потом ещё на автобусе и опять пешком. Родителям сделали приятный сюрприз, потому, что они уже и не ожидали нас увидеть, и когда мы появились, они даже не задали нам хорошей трёпки.

На Урале в военном городке ежедневно все занимались самыми разными видами спорта. Был хороший спортзал, работали различные секции, регулярно проводились соревнования по

различным видам спорта. Первого мая проводилась традиционная эстафета по городу, к которой все обстоятельно готовились. Был у нас очень хороший учитель физкультуры — Анатолий Анатольевич. Он познакомил нас со многими видами спорта, и даже если мы и не осваивали достаточно хорошо какую-нибудь спортивную дисциплину, то, по крайней мере могли сказать, что мы ею занимались. Анатолий Анатольевич организовывал команды для участия во всевозможных соревнованиях. Сам учитель всю жизнь занимался бегом, и до меня доходили известия, что даже после шестидесяти лет он принимал участие в марафонских забегах, а один из его воспитанников, Миша Богданов, регулярно участвовал в международных соревнованиях по суточному бегу. Мне также он смог привить любовь к бегу.

Родео на льдине

Страсть к воде проявилась у меня еще в детстве. В Казахстане я первым открывал пляжный сезон. На Урале местом моих водных подвигов стала река Буланка. По весне, когда снег начинал таять, Буланка на время становилась полноводной и быстрой. Мы с моим другом Сергеем Максимовым в лыжных костюмах и резиновых сапогах бежали по подтаявшим снежникам к реке и пытались столкнуть на воду какую-нибудь залежавшуюся на берегу льдину, чтобы покататься на ней. Однажды нам это удалось.

Основной ледоход уже прошёл вниз по реке, мимо проносились, сверкая на солнце серой чешуёй, только отдельные льдины. Они задерживались дольше других, поскольку были у самого берега, но постепенно их подмывала и подхватывала поднимающаяся вода. Мы облюбовали одну из таких льдин длиной в пять-шесть метров. Она лежала на отмели в затишке маленькой бухточки, и мы с помощью шестов попытались столкнуть её в воду. Льдина поддавалась и стала медленно сползать, уходя все дальше от берега. Мы запрыгнули на нее — Сергей ближе к берегу, а я ближе к стремнине. И вдруг льдина под нашим весом стала медленно погружаться в воду. Сергей спрыгнул на берег, и противоположная часть льдины, облегчившись, вздыбилась над водой. Мне пришлось перейти на середину, чтобы уравновесить льдину. Притопившись сантиметров на десять, она начала разворачиваться, выходя на стремнину.

Вода вокруг была густого коричневого цвета, и всюду виднелись спирали водоворотов. Льдины видно не было, я стоял по щиколотку в воде и нёсся со страшной скоростью, только деревья мелькали по берегам. Сергей, стараясь бежать вровень с моим ненадежным плавсредством, что-то кричал, показывая назад. Оглянувшись, я увидел, что задний край льдины вышел из-под воды, и, решив, что я незаметно сместился от центра, стал двигаться назад. Но тут передняя часть льдины резко пошла вверх, и я еле успел среагировать и уравновесить ее. Вдруг я понял, что моя льдина раскололась пополам, ее задняя часть всплыла и догоняет меня. Сергей стал безнадежно отставать. Я знал, что впереди река делает резкий поворот, и был уверен, что по инерции льдина воткнется в берег, и я успею спрыгнуть. Но не тут-то было. Стремительные струи увлекли льдину ближе к противоположному берегу. Недалеко впереди послышался низкий рокот и скрежет. Это был звук затора. Примерно в ста метрах от меня льдины насккивали одна на другую, становились вертикально. Вода бурлила и шумела. Выбора не оставалось, нужно было прыгать и добираться вплавь. Я посильнее оттолкнулся, бросился в воду и в семь-восемь гребков достиг берега. Испугаться я не успел, не успел и подумать, что в резиновых сапогах плавать не очень-то удобно. Но как-то обошлось. В это время подоспел Сергей. Мы вместе выжали мою одежду, развели костёр, погрелись, просушились и пошли дальше смотреть затор.

ЧАСТЬ 3. ТБИЛИСИ

Студенческие годы

После окончания школы мы с Сергеем Максимовым вместе поехали в Москву поступать на физический факультет Московского государственного университета. Тогда быть физиком было модно, про них снимали фильмы и писали романы. Олег Свиридов отправился в Челябинск, где был без экзаменов зачислен в танковое училище. Сергей стал студентом МГУ, а я срезался на первом экзамене по математике и поехал в Тбилиси, где поступил в политехнический институт, чем был вполне доволен.

Жил я в Тбилиси в большой Гридинской квартире вместе с бабушкой Леной и её младшей сестрой Люсей. У Люси был врождённый порок сердца. Сама она к этому времени уже никуда не выходила, и всё хозяйство и уход за больной сестрой были на бабушке. Бабушка ходила на Верийский базар, таскала в гору тяжёлые сумки с продуктами, варила на зиму ткемали (острая приправа из сливы), вместе с Люсей варили разные варенья. Готовила она очень вкусно. Всегда было печёное, а в праздники мои любимые торты — «жозефина», «наполеон» или «негритянка». Раз в неделю принимала своих подруг.

За две недели до Нового года и Пасхи бабушка Лена покупала на базаре индюшку, привязывала её за ногу на металлическом балконе и начинала её откармливать. Она колола грецкие орехи, пропускала их через мясорубку, смешивала с картофельной мукой и лепила шарики. Потом брала индюшку на руки и запихивала эти шарики ей в клюв. Так что на праздники у неё всегда было сациви, которое просто таяло во рту.

В Грузинском политехническом институте (ГПИ) я учился в 1966 — 1971 годах на механико-машиностроительном факультете по специальности «технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». На первом курсе все напоминало учёбу в школе: лекции и занятия с утра, домашние задания по вечерам, раз в полгода — зачётная и экзаменационная сессия. Времени на посторонние занятия оставалось мало. Но я всё же старался выкраивать время на спорт — ходил на стадион и занимался стайерским бегом на три тысячи метров. Чтобы поддерживать удовлетворительную спортивную форму, нужно было набегать за неделю от семидесяти до ста километров. В конце первого курса я попал в сборную города и поехал на соревнования в Сухуми. Со второго курса я уже не мог уделять спорту достаточно времени и регулярные занятия пришлось прекратить. Но, думаю, спорт помог мне «закалить» характер и любовь к нему осталась на всю жизнь.

Студенческие годы вспоминаю с удовольствием как беззаботные и весёлые. Среди преподавателей встречались довольно интересные и неординарные личности. Были такие, которых студенты боялись как огня и о которых ходили легенды, что сдать им предмет практически не возможно. Но потом как-то почти все сдавали, если не с первого, то со второго раза и получали свою долгожданную стипендию — 32 рубля.

Вспоминаются некоторых из них. Например, по сопромату был лектор-армянин Саркисян Ерванд Арамович. Он был длинный, тощий, бледный, со впалыми щеками и ходил с вечно удивлённой физиономией. Своих студентов он называл «малчик мой и дэвочка моя». Если он встречал кого-то в коридоре и с ним здоровались, он всегда удивлялся и говорил: «Вах, здравствуй, малчик мой, где ты, почему я тэбя давно не видел». Во время первой лекции он пришёл в аудиторию, представился, и сказал: «Я ваш лектор по сопротивлению материалов, зовут меня Ерванд Арамович. Прошу не называть Сервант Абрамович, что поделать, так меня родители называли. Прошу не называть также мой предмет сопроматом, когда сдадите, тогда называйте. У меня есть сын, он такой же бездельник и разгильдяй, как и вы». Потом начал читать фамилии студентов по журналу и смотреть оценки по практическим занятиям и знакомиться с каж-

дым. Была у нас красивая студентка Нана Мачабели. Она, наверное, ему понравилась, а ей в то время было не очень-то до занятий, больше была занята личной жизнью. Когда очередь дошла до неё, взглянул на её оценки, потом воззрился на неё удивлённым взором и промолвил: «Уф, девочка моя, ты как унитаз сидишь, камфет сасошь,— в носу горько, во рту сладко».

Лет через 15, когда я гулял со своими детьми на Черепашьем озере, я встретил Ерванда Арамовича. Он стоял длинный и тощий в дырявой семейной голубой майке с удочкой возле воды и задумчиво смотрел на поплавок. Известно было, что на Черепашьем озере никакая рыба не водится, и никогда не водилась. Я подошёл к нему, поздоровался, спросил, как поживает. Он сказал: «Здравствуй малчик мой, ты знаешь, а сопромат мой уже никому не нужен».

Наиболее интересные типы были преподаватели по факультативным предметам. Например, по марксистко-ленинской этике был профессор философ Саларидзе Сосо Георгиевич. Он около 20 лет провёл в тюрьме. Это был ярко выраженный нарцисс. Ему было хорошо за 70, он постоянно курил и прикуривал следующую сигарету от предыдущей. Жил он недалеко от нашего дома, и мы с ним частенько сталкивались на улице. Не узнать его было невозможно. Он обладал запоминающейся внешностью и звучным хриплым голосом. У него были длинные седые волосы до плеч и такого же цвета усы. На нём красовался пиджак голубого цвета, коричневые брюки, ярко оранжевый жилет и зелёный широкий галстук. Кроме того, он был вечный тамада и скандалист. Секретарша нашего факультета заранее сообщила нам, что по этике у нас будет Саларидзе, и что на его лекции стоит ходить.

Сосо Георгиевич не спеша зашёл в нашу аудиторию, вставил в мундштук свою сигарету, выпустил длинную струю дыма и внимательно осмотрелся. Немного походил, подумал и сказал, что по этике, что бы он ни говорил, вы всё равно ничего не поймёте. Лучше я попробую научить вас говорить. И начал он рассказывать про свою тюремную жизнь, как его взяли, как взяли всю его семью, как первый раз зашёл в камеру, где сидели уголовники, как его встретили и как он постепенно утвердился в их среде. После первой лекции, последующие проходили уже при переполненной аудитории. После окончания института мы также с ним постоянно встречались на улице и перебрасывались незначительными фразами. Когда рано утром 10 апреля 1989 года, после разгона демонстрации около дома правительства, я спустился на центральную улицу Меликишвили, увидел Сосо Георгиевича. Он стоял на углу и смотрел на побитых молодых ребят с синяками и кровоподтёками, которые шли со стороны площади Ленина и что-то кричал. Я поздоровался и спросил, что там произошло. — «Ух, избили наших сильно. Но мы им тоже надавали, как следует».

В институте у меня сложилась своя компания, которая не распадалась впоследствии долгие годы. В нее входили институтские друзья — Гоги Норакидзе и Гриша Шахназаров, и их друзья, которые стали и моими, — Миша Лихачёв, Миша и Наташа Гулиевы, Юра Хлебин, Жора Вардзелашвили и другие. И сейчас, когда жизненные коллизии разбросали всех по разным городам и странам, очень интересно было бы узнать, как у кого сложилась жизнь. Не теряю надежды встретить ещё кого-нибудь, посидеть, выпить, как следует, и обсудить дела наши скорбные, которые казалось, мы совсем недавно забросили.

Летняя сессия в институте заканчивалась в конце июня и до сентября длились летние каникулы — самое интересное время. Мне удавалось съездить в гости к родителям в Иркутск, посмотреть сибирские достопримечательности, встретиться со своими школьными друзьями, которые учились в Москве, а конец лета провести в Сочи.

Из Сочи в Хосту по старому приморскому шоссе автобусы отправлялись каждые десять-пятнадцать минут. После поворота на Мацесту это шоссе превращалось в узкую петляющую дорогу, глубоким серпантинном обходившую все мысы и ущелья побережья. Там у нашей компании было традиционное место, куда в начале августа из Тбилиси приезжало много ребят с палатками из проката. Недалеко от остановки «Ошосдор» нужно было нырнуть в едва заметную щель между плотной листвой декоративных кустов лавра и спуститься метров на десять по

почти отвесному склону, держась за корни и ветки деревьев. Здесь, каким-то чудесным образом сформировалась небольшая относительно горизонтальная площадка, на которой вплотную могло поместиться до пяти небольших палаток. Под горой, в тридцати-сорока шагах от моря проходила железная дорога. Рядом с железнодорожной насыпью стоял жилой деревянный домик обходчика путей дяди Васи, где он жил со своей женой. У них была пара комнат, при необходимости сдававшихся внаем. Дяде Васе уже исполнилось шестьдесят пять лет, и он пользовался большим авторитетом в тех местах. Если ему нужно было куда-нибудь съездить, он выходил на насыпь, поднимал руку и останавливал любой поезд. Это выглядело очень круто.

Ниже, под опорной стеной, тянулся бесконечный галечный пляж, разделённый через каждые пятьдесят-шестьдесят метров железобетонными бунами. Наша шестьдесят первая буна была лучше всех, ведь её конец находился вровень с уровнем моря, а половина поверхности плотно обросла мягкими зелёными невероятно скользкими водорослями. Даже при небольшом волнении можно было, вытянувшись в струнку, заскочить на скользкую поверхность буны и метров десять проскользить на животе. А при большом волнении, когда галька пляжа скрежетала под грохотом обрушивающихся волн, эта забава становилась просто цирковой.

Надо сказать, что, имея в кармане двадцать-тридцать рублей, вполне можно было провести неделю в Сочи — самом крутом морском курорте. Как правило, деньги спускали до копейки, а назад в Тбилиси ехали на третьей багажной полке и расплачивались часами, которые через несколько дней ходили выкупать на вокзал. Целых два месяца на крутом склоне горы под деревьями между Сочи и Хостой располагался стихийный палаточный городок: одни приезжали, другие уезжали, а последние, уже в конце сентября, забирали палатки и возвращали их в прокатный пункт. В этом палаточном городке был свой комендант, который следил за палатками и порядком, назначал дежурных, собирал деньги на общие расходы. Дежурные должны были раз в день обеспечить плотную еду для всех, которую готовили на пляже, на костре. Как правило, дежурили за всё время отдыха один или два раза, а в свободные дни все время купались и загорали, собирали на бунах мидии и запекали их в нашем очаге, а по вечерам по шпалам шли в международный молодёжный лагерь «Спутник» играть с иностранцами в баскетбол или в волейбол, потом до темна болтались по Сочи. В этом палаточном городке отдыхали очень многие, и все вспоминали его с удовольствием.

После третьего курса я, как обычно, приехал на неделю в Ленинград навестить бабушку и дедушку, а в начале августа улетел в Сочи. В самолёте познакомился со своим сверстником Борей, студентом Ленинградского института холодильной промышленности. Он жил он в Хосте вдвоём со своей мамой, которая работала директором местного ресторана. Приземлившись в Адлере, мы сразу отправились к Боре домой, он познакомил меня с мамой, мне предложили оставить чемодан у них дома, а вечером встретиться в Хосте. Я приехал на место палаточного лагеря, на остановку «Ошосдор» — и никого там не обнаружил. По какой-то причине в это лето организаторы не смогли открыть лагерь к назначенному времени. Я вернулся опять в Хосту, пообедал в привокзальной столовой и сел отдохнуть на скамеечке на Приморском бульваре. Было жарко, меня порядком разморило, и я уже начал клевать носом. Вдруг слышу — ко мне кто-то обращается. Поднимаю голову и вижу немолодого уже человека в голубой семейной майке и тренировочных штанах. Рядом стоит лопата.

— Можно присесть? — вежливо осведомился незнакомец.

— Конечно.

— Послушай, давай выпьем, только я сам принесу — как-то просительно предложил он.
— Меня зову Михаил Иванович.

— Можно, — сказал я и тоже представился.

Минут через десять он появился с бутылкой коньяка и двумя стаканами:

— Взял взаймы в столовой, потом отдадим.

Плеснул немного на дно стакана и предложил выпить за знакомство.

— Я из Макеевки, из Донбасса, шахтёр. Первый раз за двадцать лет выбрались с женой в отпуск, дети уговорили поехать на море. Уже больше недели здесь, а чем заняться — не знаю. Плавать не умею, загорать не люблю. Вот, взял у хозяйки лопату и деревья на бульваре окапываю. В Макеевке у меня частный дом, хозяйство — куры, гуси, огород, машина «Волга», зарабатываю много, а тратить некуда. Снимаем здесь комнату с двумя кроватями по три рубля в день, обед в столовой по рублю, ну и завтрак по рублю. Вот и все траты. А взяли с собой пять тысяч, придётся, назад вести, что ли. А вот и жена моя Мария Ивановна, — показал он на подходящую просто одетую женщину.

— Маша, иди сюда, познакомься, — позвал он её.

Я опять вежливо представился, сказал, что из Тбилиси, жду, когда друзья приедут, а так, делать тоже нечего. Если хотите, могу помочь вам потратить деньги.

— А как это? — удивлённо спросила она.

— Очень просто. Завтра с утра встретимся здесь и поедем тратить.

Мы уже втроём допили коньяк за будущие развлечения и разошлись. Ночевал я у Бори и предложил ему «поработать» с нами в качестве гида, на что он с готовностью согласился.

На следующее утро, когда мы с Борей спустились на вокзальную площадь, Михаил Иванович и Мария Ивановна были уже на месте в полной боевой готовности. Представив моих новых знакомцев друг другу, я огласил программу:

— В первой половине дня у нас будет озеро Рица. Вечером — ресторан, который предложит Боря. Мы поймали такси, хотя Мария Ивановна по привычке порывалась встать в очередь на автобус, и через два с половиной часа подъехали к стоянке на озере Рица. Такси подрулило к ограждению, где выстроилась шеренга продавцов с фруктами. Каких только фруктов там не было! Мы купили две большие корзины, одну положили в такси, вторую забрали с собой, и спустились к стоянке лодок и катеров. На катере совершили два круга вокруг озера, посмотрели на дачу Сталина и не спеша прошествовали в ресторан, где пообедали довольно плотно. Выбирали из меню самые дорогие блюда, не обошлось и без чёрной икры. Потом, захватив две бутылки шампанского, отправились ещё раз полюбоваться Голубым озером, мимо которого проезжали, поднимаясь на Рицу. Вечером был ресторан «Интурист» в Сочи. Как мы ни старались, больше тысячи рублей потратить не удалось. Ещё пару дней мы провели в таком же режиме, побывали в Гаграх, Пицунде, Сухуми, после чего Михаил Иванович заявил, что нагулялся на всю оставшуюся жизнь. Подходил день отъезда, и я их проводил на поезд. Они были очень довольны и пригласили меня к себе в гости в Макеевку.

К этому времени приехали мои друзья, и я перебрался в палаточный городок. Пару дней прошли весело и без происшествий, а на третий день, когда после обеда мы спустились в свою щель, палаток не обнаружили. На берегу, на нашей буне сидел печальный дежурный по прозвищу Сурок. Оказалось, он пережил набег милиции. Показал акт, где было написано, что мы злостно нарушаем санитарный режим, а наши палатки подлежат изъятию. Это был последний сезон палаточного городка. С весны началась масштабная реконструкция приморского шоссе и место, где располагался наш палаточный городок, просто исчезло.

Производственная практика

После четвертого курса у нас была двухмесячная летняя производственная практика. Это был один из самых интересных и познавательных этапов обучения. Мы решили самостоятельно организовать практику в Ленинграде. Взяв соответствующие письма в нашем деканате, мы вместе с Гоги Норакидзе ранней весной поехали в северную столицу, чтобы договориться с администрацией ленинградских предприятий. Правда, уже на месте мы поняли, что не знаем, куда конкретно нужно обращаться. Помогла, как всегда, бабушка Катя. Она сказала, что у неё есть брат Миша. Он живёт с женой и внучкой на Гражданке, а работает на заводе «Полиграфмаш». Бабушка обещала, что он всё устроит.

К дяде Мише мы отправились тем же вечером. Он оказался маленьким старичком лет восьмидесяти. Лет тридцать он проработал на заводе начальником цеха, каждый день вставал в пять часов утра и пешком шел на Петроградскую сторону, а окончив работу, так же пешком возвращался домой. Транспорт не признавал, так и ходил каждый день туда и обратно — километров пятнадцать в одну сторону. Вечером дома съедал тарелку борща, выпивал рюмку водки, с которой напивался до изумления, и шёл спать, а к пяти часам утра снова был как стёклышко, выпивал стакан чаю и шёл на завод. За год до нашего приезда он занял первое место на международных соревнованиях в Ленинграде по бегу среди марафонцев старше 60 лет. Среди участников он был самый старший.

Приехали мы к ним вечером, дядя Миша с бабушкой расцеловались, сели за стол, рассказали про дела, и он сказал, что проблем никаких нет, нам надо прийти завтра на «Полиграфмаш», и он всё устроит. Действительно, пришли мы с Гоги на следующий день на завод, позвонили ему, и через 10 минут всё было решено. Мы ещё несколько дней погуляли по Ленинграду и уехали в Тбилиси сдавать сессию.

На время нашей практики бабушка Катя и дедушка Петя уехали в гости к своей дочери Гале в Чехов, а нам оставили квартиру — живи не хочу! Половину срока практики мы работали операторами прессов в цехе производства пластмасс, получали зарплату, бесплатные обеды, молоко и яйца. Работать старались в ночную смену, чтобы день был свободен.

Из Тбилиси к нам в гости приехали несколько друзей — Миша Лихачёв, Юра Хлебин, Лёлик Вишневский. Я уговорил эту компанию съездить на несколько дней на Карельский перешеек, попутешествовать вдоль цепи озёр Вуокса Вирта в Приозёрском районе.

До Приозёрска мы добрались на электричке, а дальше нам предстояло купить провизию и выпивку и искать попутку. Но не тут-то было. Зайдя в магазин напротив вокзала, на другой стороне большой вокзальной площади, мы узнали, что водки нет, её привозят два раза в месяц из Ленинграда на поезде. Но на наше счастье, сегодня именно такой день, очередь уже выстроилась, можем присоединиться. Действительно, рядом с вокзалом стояла подвода, запряжённая лошастью, а у нее постепенно собиралась толпа возбуждённых людей. Только мы подошли к подводе, подали на разгрузку грузовой вагон, открылись двери, и грузчик стал перегружать ящики из вагона на подводу. Народ начал шуметь, выражая недовольство: «Сколько это будет продолжаться? Безобразие!». А продавщица сказала: «Пока всё не приму, продавать не буду. Хотите, сами разгружайте». Мы выстроились в цепь, и за десять минут загрузили подводу. Затем вся процессия торжественно, как на похоронах, направилась к магазину, где мы моментально разгрузили подводу и были премированы одной бутылкой водки, остальные нужные нам бутылки тоже получили вне очереди.

Всё складывалось очень удачно. Мы взвалили на себя рюкзаки, и пошли по дороге, выходящей из города. Рюкзаки были тяжёлые и неудобные, но нам опять повезло — в нашу сторону ехал трактор с прицепом. Тракторист согласился нас подвести, и примерно час мы ехали с ветерком на прицепе. Тряска была отчаянная. Потом тракторист остановился и показал, в

каком направлении направление идти дальше. Минут через пятнадцать мы вышли к озеру и остановились с открытыми ртами — такой открылся вид, такая удивительная красота. И сосновый лес, и скалы, и озеро!

Немного освоившись, мы тщательно установили палатки, разожгли костёр и приготовили еду. Плотно поужинав и помыв посуду, легли спать. Первую ночь спали, как принцессы на горошине. Сначала всё было спокойно, но под утро лежать стало неудобно — всё время что-то мешало. Утром полезли под дно палатки и увидели, что за ночь там выросли сыроежки! Это событие вдохновило нас на тихую охоту за грибами. Взяв рюкзаки, мы с Гоги пошли в лес. Сначала собирали все грибы, которые попадались на пути, потом стали брать только белые, а когда возвращались, пришлось выложить все собранные грибы, отобрать только шляпки, и затем мы собирали только шляпки белых грибов. В обед мы устроили настоящий грибной пир, и пока были на озере, грибы ели каждый день — и утром, и вечером. А ещё купались, переплывали озеро на собственноручно построенном плоту. Одним словом, повеселились и поработали на славу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.